

DOI: 10.31862/0130-3414-2024-2-43-57

УДК 821

А.Н. Семенов**Обско-угорский институт прикладных исследований и разработок,
628011 г. Ханты-Мансийск, Российская Федерация**

Хантыйская литература как философия мировидения

Аннотация. Статья посвящена анализу своеобразия мировосприятия, отраженного в произведениях хантыйской литературы, которое рассматривается в качестве основного условия творческой реализации личности как в плане возможностей отдельного индивида, так и на уровне художественного мирозерцания народа в целом. Такой аспект исследования корпуса текстов национальной литературы является одним из результативных подходов, позволяющих определить приемы, средства реализации творческой индивидуальности художника слова, как единичного явления, так и в качестве составного элемента, значимой части художественной культуры народа в целом. История развития художественного мышления человечества свидетельствует, что истинное творческое выражение не должно соответствовать догме или заранее заготовленной форме. Поиски своего видения, понимания происходящего неизменно отличают подлинную творческую индивидуальность, которая выступает частью некоего общего, обоснованного народными традициями мировосприятия, понимания себя в пространстве и времени. Наличие такой способности художественного мышления к своеобразному мирозерцательному отношению к окружающему миру, с другой стороны, есть сила, способствующая как его адекватной оценке, так и положительной самооценке. В качестве составляющих своеобразия мировосприятия начал, которые испытывают непосредственное влияние национального менталитета, родного для автора, в работе рассматриваются такие, как независимость взглядов и неконформность суждений, уровень устойчивости к неопределенным ситуациям, развитость художественной фантазии, сохранение мировоззренческой информации духовной культуры народа, независимость взглядов художника, потенциальная готовность к нарушению границ дозволенного, устоявшегося, оригинальность и нестандартность решений проблемы отображения мира как внешнего, так и внутреннего, устойчивость к неопределенным ситуациям как личного, так и социального характера.

Ключевые слова: хантыйская литература, духовная культура народа, национальный менталитет автора художественного произведения, мировосприятие литературного героя, неконформность, художественная фантазия

ССЫЛКА НА СТАТЬЮ: Семенов А.Н. Хантыйская литература как философия мировидения // Литература в школе. 2024. № 2. С. 43–57. DOI: 10.31862/0130-3414-2024-2-43-57

DOI: 10.31862/0130-3414-2024-2-43-57

A.N. Semenov

**Ob-Ugric Institute of Applied Researches and Projects,
Khanty-Mansiysk, 628011, Russian Federation**

Khanty literature as a philosophy of worldview

Abstract. The article analyzes the uniqueness of the worldview reflected in the works of Khanty literature, which is considered as the main condition for the creative realization of the individual both in terms of the capabilities of the individual and at the level of the artistic worldview of the people as a whole. This aspect of the study of the corpus of texts of national literature is one of the effective approaches that allows us to determine the techniques and means of realizing the creative individuality of the artist of the word, both as a single phenomenon and as a component element, a significant part of the artistic culture of the people as a whole. The history of the development of artistic thinking of mankind testifies that true creative expression should not correspond to dogma or a pre-prepared form. The search for one's own vision, understanding of what is happening invariably distinguishes a genuine creative individuality, which is part of a certain general worldview, grounded in folk traditions, of understanding of oneself in space and time. The presence of such an ability of artistic thinking for a unique worldview attitude towards the world around us, on the other hand, is a force that contributes to both its adequate assessment and positive self-esteem. As components of the originality of the worldview of the principles that are directly influenced by the national mentality, native to the author, the work considers the following: independence of views and non-conformity of judgments, the level of resistance to uncertain situations, the development of artistic imagination, the preservation of ideological information of the spiritual culture of the people, the independence of the artist's views, the potential readiness to violate the boundaries of what is permitted and established, originality and non-standard solutions to the problem of displaying the world, both external and internal, resistance to uncertain situations of both a personal and social nature.

Key words: Khanty literature, spiritual culture of the people, ethnic mentality of the author of a literary text, a literary character's worldview, non-conformity, an artistic imagination

CITATION: Semenov A.N. Khanty literature as a philosophy of worldview. *Literature at School*. 2024. No. 2. Pp. 43–57. (In Rus.). DOI: 10.31862/0130-3414-2024-2-43-57

Литературное творчество необходимо понимать в качестве способности обнаруживать индивидуальные решения проблем как новых, так и тех, которые давно и хорошо известны человечеству. Такая способность в обязательном порядке должна включать привнесение в духовную жизнь социума чего-то нового в видении, постановке, художественном решении заявленного предмета внимания.

Процесс организации художественного слова есть реализация творческой индивидуальности человека, его сущности как на уровне отдельного индивида, так и на уровне культуры народа в целом. История развития художественного мышления человечества свидетельствует, что истинное творческое выражение не должно соответствовать догме или заранее заготовленной форме. Наличие такого выражения есть сила, трансформирующая, способствующая положительной самооценке и обеспечивающая самопродвижение индивида в своем развитии, а коллектив-корпус индивидов в форме национальной литературы – обеспечивает и положительную самооценку, и связанное с ней духовное, культурное развитие народа.

Творчество есть процесс, результатом которого является создание некоторого продукта. В случае с литературой таким продуктом может явиться роман, повесть, рассказ, стихотворение, пьеса... То, что мы определили, как продукт словесного творчества, является частью существования/

функционирования мировосприятия как отдельной творческой личности, так и целого народа.

Личностное мировосприятие, как об это красноречиво свидетельствуют произведения художественной литературы, определяет характер и направленность действий их героев, отношение к любому процессу или явлению. Так, в повести Романа Ругина «В ожидании сына» герой Порака, услышав слова «военкомат» и «повестка», ощущает, как «похолодело в груди и чем-то острым кольнуло сердце» [5, т. 2, с. 544]. А все дело в том, что восприятие слова «военкомат», «у Пораки в мыслях было связано с понятием “война”, потому он с такой тревогой и даже страхом воспринял полученную Микатом повестку о призыве на действительную военную службу» [Там же].

Примечательно, как в этой повести дано восприятие некоторыми современниками Пораки нового сверхоружия, предназначенного для уничтожения многих тысяч людей: «Страшная неведомая сила появившейся атомной бомбы воспринималась многими суеверными как гнев Божий, как предвестница новых ужасов. Сердца отцов и матерей, не оправившихся еще от ран прокатившейся войны, болью отзывались на призыв сыновей в армию» [Там же].

Пример интересен еще и тем, что иллюстрирует, как восприятие одного явления может менять отношение к другому, с ним связанному, от него зависящему.

Герой-повествователь в рассказе Еремея Айпина «Осень в твоём городе» признаётся, что оказался не способен воспринимать достопримечательности родного города дорогого ему человека: «Я бродил как бы в сомнамбулическом сне. Никого и ничего не воспринимал. Видел только горящие тихим огнём Твои следы. Слышал только Твой чудный голос. Вспоминал только Твои слова. Улавливал запах только Твоих волос. Удивительно четко отпечатались на камне мостовых Твои следы. Я находил и всматривался в них необъяснимым внутренним зрением...» [3, т. 3, с. 13].

Принципиальное отличие приведенных примеров от творческого восприятия заключается в том, что они раскрывают сущность постижения литературными героями отдельных явлений или процессов, а мировосприятие художника есть общее, комплексное восприятие того мира, который предстает перед ним, как обладателем творческого сознания. Именно от такого восприятия напрямую зависят факторы, связанные с решением творческих задач. Такое восприятие является индивидуальным, однако творческая индивидуальность, как и любая вообще, является частью национальной особенности восприятия и отражения мира, характерной для каждого менталитета народа. Именно для народного понимания, видения и даже идеологии быта важно, чтобы «ее длинные, черные, как смоль, подвязанные для удобства к поясу косы, по-хантыйски были переплетены тесемками красного цвета, и при ходьбе металлические украшения издавали мелодичные звуки. Образ Мамы сливался в его детском воображении с понятиями добра и счастья» (Юлия

Накова, «Когда улыбаются звезды») [5, т. 2, с. 384]. В этом «по-хантыйски» отразилось представление героя о том, что такое гармония окружающего мира, как представлены в этом мире проявления «добра и счастья».

Норма поведения, которую героиня другого эпизода рассказа Юлии Наковой определяет также наречием «по-хантыйски», считает такое поведение наиболее приемлемым в тот момент, когда в твоё жилище проникает опасность (Куль с «большими волосатыми руками»): «Прикрывая по-хантыйски платком лицо, старшая женщина стала угощать позднего гостя тем, что у них было» [Там же, с. 388].

В «Рассказах старого ханты» Алексея Сенгепова повествователь обращает внимание на то, как воспринимают у хантов сущность последнего месяца года: «По-хантыйски некоторые люди декабрь короткодневным месяцем зовут» [7, ч. 1, с. 277].

Есть в этих «Рассказах» ещё более примечательный эпизод, дающий образное представление о том, как северный народ воспринимает-понимает гипноз, которым обладали шаманы: «Это, – говорит, – фокус, такой. Фокус, кому такое шаманство природой дано, это и есть его фокус. Это на русском языке означает гипноз. Так вот, этот человек умел гипнотизировать людей. А по-хантыйски – имеет рот змея. Он не своё тело прокалывает, а в рот змея ножик вставляет. Вот это и есть шаманство, или фокус» [Там же].

Если в русском языке гипноз представляет собой медицинский термин, то в понимании ханты – это явление обозначается метафорой, имеющей глубоко символический смысл, заставляющей задуматься над самим

процессом гипнотизирования. Более того, образное обозначение того, что в русском языке определяется «безобидным» словом, на языке хантыйском звучит как предостережение: рот змеи опасен для человека.

В повести Романа Ругина «Ранний ледостав» встреченный на охоте зверь заставляет охотника Опуня вспомнить то, как называют его на хантыйском языке: «“Медведь... Медведь... – твердил про себя ошеломленный Опунь. – Сот хоятпи ляль... Сот хоятпи ляль...”». Почти машинально он называл сейчас хозяина тайги древним именем: “Сот хоятпи ляль” означало по-хантыйски “Зверь, имеющий силу ста лучников”» [7, ч. 3, с. 58].

Перед нами снова образное обозначение животного, принятое в хантыйском языке, и в основе такого восприятия лежит запрет именовать его настоящим именем – медведем.

Сама способность воспринимать окружающий мир во всех его проявлениях, как материального, так и духовного характера, является в художественной словесности хантыйского народа непреходящей ценностью. Лирический герой Романа Ругина признается в том, как он воспринял и что для него значит родительский завет:

Отец и мать наказывали мне:
В лесную глубь и глушь не забирайся,
От дома удаляться не старайся –
Того, что близко, хватит нам вполне!
Достанет здесь и ягод, и зверья,
Бери богатства осторожно, с краю –
И за любовь твою к родному краю
Тебе спасибо скажут сыновья.
И сердцем я воспринял тот завет,
Хотя не раз тайгу мою родную,
Как будто сеть рыбацкую сквозную,
Из края в край прошел за много лет.

[Там же, ч. 2, с. 82]

Восприятие родительского завета исключительно «сердцем» звучит и как своеобразная модель поведения, которая должна быть основной у народа, живущего в северной тайге, и как завещание «сыновьям», которым предстоит в ней жить.

Исследования показывают, что национальный менталитет является одним из определяющих коррелятов сущности процесса художественного творчества.

Можно выделить те составляющие элементы художественного творчества, которые испытывают непосредственное влияние национального менталитета, родного для автора. Это – свойственное креативным субъектам своеобразие мировосприятия и поведения, а также связанные с ними *независимость взглядов и неконформность суждений*. Сюда же необходимо отнести стремление выйти за рамки, «нарушить границы», что формирует условие для проявления оригинальности и нестандартности творческого поведения. Национальный менталитет влияет на уровень устойчивости к неопределенным ситуациям и, как следствие, на возможности автономного функционирования, на устойчивость к давлению социального окружения. Для каждой национальной общности характерны и своя определенная открытость ко всему новому, необычному, и чувствительность к красоте в широком смысле слова.

Таежный житель, если судить по произведениям хантыйской литературы, оказывается способным на независимость понимания явлений и проблем жизни, его почти постоянно отличает отсутствие конформизма в оценке окружающего. Героя

романа Еремея Айпина «Ханты, или Звезда Утренней Зари» невозможно переубедить в том, что есть ценности, которые нельзя просто так взять и измерить деньгами, хотя окружающие его люди в подавляющем числе так считают. Когда Демьяну предлагают за ветвисторогую важенку Пеструху деньги, много денег («Сколько пожелаешь – заплачу!»), он уверенно отвечает: «Пеструхе цены нет <...> Нельзя ее за деньги!

– А за что можно? За что?

– Вот если бы ты умирал да тебя могла спасти только Пеструха...». И предложение отдать за Пеструху «бутылку водки... последнюю, самую бесценную» не может убедить Демьяна, который считает, что хоть за водку, хоть за деньги «не по-родственному будет» [3, т. 2, с. 320].

Герой повести Е. Айпина «В ожидании первого снега» Микуль также демонстрирует независимость понимания того, чем являются деньги в жизни человека. Пришедший работать на буровую, он не может понять происходящего на ней. Условия жизни и особенности труда сформировали у таежного человека свое понимание денег, их ценности, путей и способов их зарабатывания. Микуль, совсем недавно ушедший из родного места на заработки, не может преодолеть удивление от того, что на новом месте работы «добыл нефть, не добыл, а деньги все равно дают». Его пугает мысль о том, что вот так, без результата, можно проработать целый год «и не будет нефти» [1, с. 57], то есть работать впустую. Охотник привык к другому: «Если я целый день ходил по лесу и ни зверя, ни птицы не подстрелил, никто мне за это деньги не даст – понимают люди: впустую я охотился,

а пустота ничего не стоит. А тут вот зверя не промышляешь, черную воду не находишь, рыбу не ловишь, а зарплата идет. Чудно как-то получается, не по-ингу-ягунски!» [Там же, с. 57].

Последнее замечание героя переводит его индивидуальное восприятие в общественное, принятое в среде его сородичей, среди людей, которые привыкли жить своим трудом.

Примеров может быть значительно больше, и главное заключается в том, что герои, демонстрирующие независимость взглядов и позиций, не согласных на компромисс со своими убеждениями, как принято, это – или явные протагонисты авторов, или таковые, к которым авторы испытывают доверие, симпатии.

Непосредственное влияние национального менталитета может проявляться по-разному, с той или иной степенью интенсивности, но присутствует неизменно.

К примеру, понимание художественного произведения как явления второй реальности в хантыйской литературе неизменно испытывает на себе влияние характерного для этого народа представления о тройственном строении мира, предполагающего наличие Верхнего, Среднего и Нижнего.

Так, даже в заглавии повести Татьяны Молдановой «“Средний мир” Анны из Маланга» присутствует такое представление о строении Вселенной. Героиня уже в самом начале повести осознает, что «все исполнила в Среднем мире, спокойно уходит. Детей, кого смогла, сохранила, внуки – взрослые, правнуки растут. Их время жить в Среднем мире, а ей пора в Нижний: в этом глаза уже плохо видят, уши плохо слышат. Пора, давно пора уходить...» [5, т. 2, с. 366].

Мировосприятие как героев, так и автора повести сохраняет независимость традиционной для народа модели строения Вселенной, в основе которого – понимание того, что человек живет в «среднем мире», который является только частью мироздания. Такое видение делает понятными и не вызывающими сопротивления верования в предсказания и духов, добрые и злые силы, которые не знают границ между нижним, средним и верхним мирами. Героиня Молдановой при этом уверена, что с тем, без кого она прожила целых сорок лет, обязательно встретится в «нижнем мире». Значит, и для простого смертного не существует границ между разными мирами. Другое дело, что путь в верхний мир нужно обязательно заслужить, а в нижнем будут все, кто прошел мир средний.

Еще одна особенность мировосприятия ханты, которая служит основой художественного творчества, связана с тем самым представлением о строении Вселенной: благодаря ему герои хантыйской литературы постоянно ощущают свою связь с близкими людьми, даже если они уже покинули средний мир. Анна, героиня повести Татьяны Молдановой, даже по прошествии сорока лет после смерти мужа чувствует общность с ним и ждет, как было замечено выше, предстоящую встречу.

Частью художественного сознания героя повести Еремея Айпина «У гаснущего очага» на протяжении всего жизненного пути является знание, полученное еще в детские годы, о том, что «есть Верхний Мир, где живут Боги. Есть Средний Мир – для людей. И есть Нижний Мир, куда перебираются люди после окончания жизни

в Среднем Мире». Еще одним важным аспектом знания героя стало то, что в давние времена боги постоянно сражались между собой, а результаты тех сражений сохранились «в названиях созвездий, в названиях многих сопок, рек и озер Среднего Мира» [3, т. 1, с. 192–193].

Последнее замечание о знании героя принципиально важно для понимания феноменологического начала, лежащего в основе того, как именуются в хантыйском языке названия рек и озер, родного жилища и покровителей рода, какую новую трактовку получают слова, пришедшие из других языков. По версии «Легенды о птице Лули» в романе Е. Айпина «В поисках Первоземли», задолго до того, как «земные люди обрели разум и способность жить самостоятельно, небесные покровители-боги и покровительницы-богини вернулись обратно в Верхний Мир, в Мир богов. Землю они оставили людям Земли, которую назвали Средним Миром» [2, с. 491].

Представления народа ханты о строении Вселенной, помимо отражения своеобразия исконных верований, свидетельствуют о развитой художественной фантазии, доказательством чему являются как системы жанров устного народного творчества, так и произведения оригинальной литературы. Художественная культура, основанная на развитой фантазии, легче преодолевает национальный эгоцентризм и нерасчлененность мировосприятия, оказывается способной включиться в общегосударственные и общечеловеческие проблемы, находя «со стороны», со своей точки зрения пути и возможности их решения.

Одну из глобальных проблем современного искусства составляет оппозиция, сложившаяся между необходимостью гармоничного существования человека и тем, как тот же человек разрушает гармонию окружающего мира своими действиями. Произведения хантыйской литературы последнего столетия предупреждают о том, какими трагическими могут быть результаты такого поведения.

Многие герои Е. Айпина живут «у гаснущего очага», однако художественная мысль автора идет значительно дальше только родного крова, и читателя не покидает ощущение, что неразумное поведение человека на земле заставляет гаснуть на ней очаг самой жизни. Мировосприятие, в котором одним из определяющих образов стал гаснущий очаг, стало заметным явлением художественной словесности ханты.

Словно бы сопротивляясь такому угасанию, Т.А. Молданова одну из глав повести «Касания цивилизации» назвала «Дорога к остывающему очагу». Пытаясь сохранить огонь родного очага, героиня повести Татьяна, наперекор всем процессам, которыми характерна современность, возвращается в родные места. Ее поведение есть выраженный протест против того, что заставляет остывать родной очаг. Проведя первую ночь там, куда привел ее зов бабушки, она просыпается «с улыбкой на устах: “Я на родной земле. Я на соболиных коленях Великой Казымской богини”¹. Ощу-

щение радости не покидало молодую женщину весь последующий день, когда она вновь пошла на зов бабушки. Погода стояла на удивление теплая и солнечная...» [5, т. 2, с. 351].

По мысли автора повести «Касания цивилизации», один из путей избежать разрушительной пагубности таких касаний исконной жизни человека тайги – оставаться на родной земле, сохранять исконные традиции и обычаи ведения хозяйства, культурной жизни, функционирования родного языка.

По мысли авторов хантыйской литературы, опасность «угасания очага», забвения предназначения человека на Земле, его мутации требуют нового поведения, отказа от собственных страхов и неразумного поведения. Главным соавтором такой позиции, определяющим советчиком будет родное слово, язык, доставшийся в наследство от предков.

В мировосприятии писателей ханты одной из главных ценностей, составляющих художественное сознание народа, является его язык, который не понимается только в роли средства общения, а буквально почитается как форма сохранения мировоззренческой информации, главный ресурс и воспроизведения, и создания явлений духовной культуры, своеобразной, характерной именно для этого народа, для его восприятия звуков и красок, движений и чувств. Поэтому, в понимании лирического героя Романа Ругина (стихотворение «Язык ханты»), его родной язык – это «зовущий к правде и свету». Он представляет собой

Кладезь немеркнувших знаний:
В нем сохранились, точны,
Сотни для снега названий,
Сотни – для резвой волны.

¹ По представлениям казымских ханты, один из священных обликов духа-охранителя р. Казым – соболю. Считается, что каждый, кто находится на казымской земле, сидит на соболиных коленях богини (примечание Т.А. Молдановой).

Сотня имен и для ветра
В нем на сегодня жива...
Нет, не впустую так щедро
Он расточает слова!

[5, т. 2, с. 439]

За родным языком – природа,
«опыт, и разум, и труд» народа ханты.
Этот язык, меткий, гибкий и богатый
никак не достоин той судьбы,
чтобы его забыли, чтобы отринули
такое богатство, потому как завет
всем живущим и тем, кто будет жить
на этой земле:

Ягодки слов собирая
В берестяной твесок.
Тысячу лет проживете,
Перешагнете века –
Знаю: никто не увидит
Донца того твеска.

[Там же, т. 2, с. 108]

Для лирического героя стихотворения Микуля Шульгина родной язык вместил в себя и бег оленей «по мхам тайги вековой», и стремительность рыбы «в струях Оби ледяной», а главное – он явился средством постижения огромного мира. У родного языка есть достоинства, которые приравнивают его к поэзии, делают путеводителем в жизни человека:

Ладен, звучен, пригож –
Я жить без тебя не могу.
Острей, чем охотничий нож,
Ярче костра на снегу.
Огромен, словно тайга.
Глубок, как могучая Обь.
...Предскажешь, когда пурга.
Подскажешь, где гиблая топь...

[Там же, т. 1, с. 83]

Независимость взглядов, выражающаяся в неконформности суждений, в художественном мировосприятии, как правило, выражается и в стремлении выйти за рамки, «нарушить

границы» дозволенного, устоявшегося. Таким стремлением продиктовано стремление Еремея Айпина «рассказать о жизненных основах моего рода, благодаря которым он дожил до XX века» [3, т. 1, с. 5]. И, в нарушение границ дозволенного правдоподобия, уже на следующей странице читатель узнает, что «эта книга – о народе, утратившем Душу, утратившем Веру. О народе, уходящем из жизни. О народе, обреченном на медленную кончину» [Там же, с. 6]. Да и начинается повесть «У гаснущего очага» с самого откровенного нарушения границ дозволенного – логики: «Эту книгу я начал писать со дня своего рождения. Так мне казалось...» [Там же, с. 5].

Не в таком широком историческом аспекте, как *народ, уходящий из жизни*, а в более личностном, хотя и в этом случае, выходящем на проблемы общественные, значимые для художественной культуры, нарушает границы дозволенного, уходит от устоявшегося поэт Матвей Новьюхов. Ярким выражением нарушением границ дозволенного звучит его стихотворение «Критикам», которые «в своих душонках неживых» не знают ни «чувств и вдохновенья», потому не гнушаются тем, чтобы терзать чужие стихотворения и убивать молодых. Поэт в своем отрицании политики в области литературы доходит до того, что отмечает, как переполнив «кладбище поэтов», на котором уже не было места жертвам, критики «поползли из кабинетов / ужом смирения на съезд». А речь идет об очередном съезде Союза писателей СССР! Выступления критиков на этом съезде напоминают поэту убийц, которые на суде лют «преподлейшую слезу». Однако даже такое лживое раскаяние ненадолго:

Но с ним недолги разговоры....
А вам дозволено опять
своим бездушным приговором
живых в могилы зарывать.

[6, с. 38–39]

Поэт в разрушении стереотипов идет еще дальше, и вместо «служения и творческого подвига во имя дела партии, на благо советского народа», вопрошает:

Какому черту вы служили,
благоухая на костях!
Кто вы?! Что дали вы народу!
Как вы воспели путь его!
Ведь он прошел огонь и воду,
разбил коричневое зло!

[Там же, с. 39]

В творчестве хантыйских писателей отражается такая особенность мировосприятия, как несогласие с устоявшимися и декларируемыми трактовками бытия, понимания процессов и явлений окружающего мира.

Следующий аспект проявления художественного мировосприятия проистекает непосредственно из предыдущего, а иногда и просто от него неотделим, ибо мы определяем его как *оригинальность* и *нестандартность* решения проблемы отображения мира как внешнего, так и внутреннего. Е. Айпин главным героем романа о Казымском восстании («Божья Мать в кровавых снегах») делает не того, кто был непосредственным участником национального возмущения новой властью, а Мать детей, хранительницу семейного очага, который в результате кровавых событий был превращен в пепел.

Такое оригинальное решение позволяет писателю раскрыть особую глубину противоречий между чаяниями северного человека и новой властью: происходящие события затя-

гивают в свою трагическую воронку не только тех, кто встал друг против друга с оружием, но и тех, кто, казалось бы, не имеет к этим событиям прямого отношения.

А в лирическом пространстве М. Новьюхова стремление к оригинальности и нестандартности, к примеру, в отражении процесса творчества, его понимания иногда переходит границы приличия:

Плевал я на ваши правила,
На разные там каноны!
Не жду, чтоб меня прославили,
У сердца свои законы.

[Там же, с. 42]

Удерживает поэта в рамках допустимого оригинальный образ творческого мировосприятия, который отличает настоящего художника слова, сердцу которого «подвластна» вселенная и вообще «все сущее в ней». Нестандартность мировосприятия поэта делает его не просто всесильным, делающим хмурый день ясным, а иным, не укладывающимся в каноны и правила все тех же критиков.

Оригинальное видение возможности прочесть/перечесть страницы собственной юности становится значимым знаком лирического пространства Аллы Иштимировой-Посоховой:

Возьму в руки юности книгу –
Междустрочья пахнут осенью дивной...
Осень играла в любовь.
Ярко-красную гроздь рябины
Ты однажды вплел в мои локоны
длинные...

Осень играла в любовь...

[5, т. 2, с. 222]

Оригинальность в данном случае проявляется не только в определении юности как книги, но и в выборе

формы терцета, где последняя строка каждого выступает в качестве рефрена, проходящего через все стихотворение. Последнее создает ритмическую картину юности, в которой все прерывисто, быстро и неизменно повторяющееся в памяти.

Одно из проявлений своеобразия художественного мировосприятия заключается в *устойчивости к неопределенным ситуациям*. Относительно содержания хантыйской литературы такая устойчивость проявляется многообразно и многоаспектно. Одним из таких аспектов, несмотря на усиливающиеся негативные процессы, является забота о родном языке, его сохранении и развитии. Об этом не уставали и не устают повторять поэты В. Волдин и М. Новьюхов, М. Шульгин и М. Вагатова... Новые поколения художников слова (и не только поэтов) развивают мысли, ставшие определяющими для лирического героя Владимира Волдина:

Кто нынче не знает язык свой родной,
Тот край свой не любит, народу чужой.
Такой человек – просто место пустое.
Он путь мне на нартах вовек не закроет.
Он глуп и смешон, как глухарь

красноглаз...

[4, с. 13]

Строки, обращенные к незнающим родной язык, находят отклик в творчестве новых поколений поэтов. В этом признается, например, лирическая героиня Нины Тарлиной, отмечая, что такие хантыйские поэты, как Владимир Волдин,

Точное слово нашли,
К ясному слову пришли.

[5, т. 2, с. 682]

Слово настоящего поэта обжигает, проникает в сердце и главное –

заставляет задаться вопросом с обязательным нахождением ответа на него:

...Лишь в раздумье спрощу я себя,
Зачем я учусь?
Если язык мой хантыйский
Жизнь увидит,
Если слово хантыйское
Силу имеет,
Поэтому думаю
И родной язык изучаю.

[Там же, т. 2, с. 683]

Словно развивая эмоциональное мнение Волдина о незнающих родной язык, Евдокия Серасхова призывает буквально устранить такой недостаток (стихотворение называется «Язык свой знай») по той главной причине, что

Слово, как корень дерева,
С прошлой жизнью,
Тебя познакомит.

[Там же, с. 644–645]

Знание родного языка, по убеждению поэтессы, способно вернуть человека к устоям и традициям исконно народной жизни, научить жить «как ханты».

Завидную устойчивость к неопределенности ситуаций демонстрируют авторы хантыйской литературы, когда речь идет о сохранении родной природы и традиций национальной культуры, когда общество и государство оказываются в переломном моменте истории, к примеру, таком, как перестройка. Последнее выразительно отражено в романе Е. Айпина «В поисках Первоземли». Одним из решений в определении поведения, позиции для человека в неопределенности политической и идеологической ситуации, по убеждению автора романа и его героев, является

творчество. Главный герой романа, художник в любых ситуациях личного бытового или социально-исторического характера, проявляет завидную устойчивость к любым неожиданностям и неопределенностям благодаря тому, что у него есть творческая цель – написание главной картины жизни.

Характер творческого мировосприятия в значительной степени определяется силой собственного «я» художника, которая проявляется в наличии возможности автономного функционирования, а значит, и устойчивости к давлению социального окружения. Такая устойчивость является источником осознания своей правоты, принципиально важного начала, к примеру, когда речь идет о собственном творчестве. Понимание значимости своего творческого потенциала есть важная составляющая мировосприятия, особенно в условиях, когда современники этой значимости не признают. Можно только удивляться устойчивости видения себя и своего творчества, которую проявлял Матвей Новьюхов, так и не признанный при жизни, но неизменно уверенный в том, что

И придет то время скоро,
песнь моя войдет в зенит.
По родным лесным просторам
мое имя прогремит.
И ударит громом в ухо
всех трудящихся людей
грандиозное: Новьюхов,
величайшее: Матвей.

[6, с. 12]

С завидным постоянством Еремей Айпин, невзирая на проводимую политику, господствующую идеологию и даже настроения современников, от произведения к произведению говорил о тех утратах, которые

принесли и несут его народу и его стране революционные преобразования разных исторических эпох (от романа «Божья Матерь в кровавых снегах» до «В поисках Первоземли»); чем обернулись для языка, культуры, памяти его народа открытые богатства родной земли (повесть «У гаснущего очага» и роман «Ханты, или Звезда Утренней Зари»).

Потенции к сохранению собственного «я», способности выдерживать давление социального окружения никак не противоречит и такое проявление творческого мировосприятия, как *открытость ко всему новому и необычному*. Таковыми предстают и сами авторы хантыйской словесности, и их герои, которые обычно выступают в роли носителей авторской идеи, протагонистов авторов как в лирике, так и в эпосе.

Такой ролевой герой стихотворения Владимира Волдина «Музыка», который сдал шкурки и купил «чудо-аппарат» – транзисторный радиоприемник, с большой радостью осознает, насколько лучше стала его жизнь:

Я иду, а с неба дождик льет.
Я пою, и радио поет.
Сумерки и ветер нипочем
С музыкой хорошею вдвоем.
Я шагаю по родной земле,
И трава поет со мной, и лес,
Пляшут ели пышные легко.
Горе, неудачи – далеко!

[4, с. 21]

Значимость новшества в том, что его присутствие/действие оказывает влияние не только на героя, для которого перестали быть актуальными «горе, неудачи», «темнота и ветер» стали нипочем, даже «усталость ветерком смело». Удобное для человека изобретение принято родной землей.

Пример со стихотворением В. Волдина не является исключением. Проявление поэтического мировосприятия в аспекте открытости, стремление ко всему новому и необычному никак не вступают в противоречие с желанием сохранить устои и традиции народной жизни, духовное содержание нематериальной культуры. Другое дело, что в данном случае в художественной словесности хантыйского народа сложилось вполне определенное представление о том, что ему подходит в современных процессах и явлениях, а что является для его культуры неприемлемым, чуждым.

Хантыйская литература предельно точно зафиксировала то, как были встречены в народе признаки новой жизни. При любом учете идеологической составляющей эпохи нельзя пройти мимо того, как, например, лирический герой Леонида Вайветкина воспринимает изменения жизни рыбака:

...Лодку рыбой нагрузив,
По течению пускает.
Незатейливый мотив
Тишь речную нарушает:
«Я седой рыбак-старик,
От купцов я видел горе,
Я к своей нужде привык,
Век рыбака на просторе.
Жил я в горечи и тьме,
Лишь при новой Красной власти
Улыбнулось солнце мне, –
Я направил лодку к счастью.

[5, т. 2, с. 177]

Одним из самых значимых явлений новой жизни, которое с открытой душой встретили ханты, изначально приняв его, как одно из самых необходимых, отвечающих их чаяниям, стала школа. Для лирического героя Л. Вайветкина знаковым является тот факт, что школа для детей

северного народа, как и сам город, стоит там,

Где был лес дремучий.
Где медведь шагал.

[Там же, т. 2, с. 177]

Такое даже «не могло присниться дедам», которые привыкли ко тьме «тайги глухой», а их внуки вышли учиться «в светлый город молодой». Последнее является одной из существенных причин того, что лирический герой уверен:

В городе советском новом
С каждым годом жизнь светлей.
Там хантыйская есть школа –
Школа северных детей.
Там за книгой и тетрадью,
Время весело бежит –
Все мы счастливы и рады,
Путь широкий нам открыт.

[Там же]

Идеологическая составляющая никак не размывает мировосприятие народа ханты, открытого просвещению, возможностям новых путей развития. Такая открытость новому, стремление познать новые горизонты окружающего мира отличает каждую заметную творческую индивидуальность в хантыйской литературе.

Особую выразительность мировосприятию любой художественно отмеченной личности придает *чувствительность к красоте в широком смысле слова*, которую можно определить как своеобразие образного мышления. Литераторы, будучи авторами произведений словесного искусства, каждый по-своему стремятся к красочной образности, поэтичности (речь идет, разумеется, не только о лирике).

Только образное отношение к красоте окружающего мира позволяет

лирическому герою В. Волдина так выразительно видеть небо и метафорически понимать родной бор:

Небо – пятнистая шкура оленя.
Звезды глядят, чуть мигая, на землю.
Мысли мои, как олени, бегут,
Думы мои про тайгу, про тайгу.
Края хантыйского лучше не знаю.
Солнечный бор – сердце милого края.
В сердце моем кровь горячая бьет.
Сердце трепещет живое мое.
Разве тайга не живая?
Взгляните:
Солнца прозрачные руки, как нити.

[4, с. 16]

При этом образное видение мира писателей Севера испытывает на себе влияние условий жизни, характерной жизнедеятельности, принятой системы ценностей. В стихотворении В. Волдина читатель не может не обратить внимание на то, что в его лирическом пространстве и «небо – пятнистая шкура оленя», и мысли лирического героя, «как олени, бегут», а «солнечный бор – сердце милого края».

«Запаздывающая стая» перелетных птиц, которая «просачивается» сквозь «конусы чумов» и «прозрачные дымы», «высокие дымы моего стойбища» – это выразительный образ видения тех, кто стремится к незамерзающим рекам и озерам, кто летит прочь от «холодного подола» снежных вихрей.

Красоту воплощения индивидуального мировосприятия особенно хорошо можно проследить, сравнив произведения разных авторов.

Для лирической героини Елены Ермаковой (Тарлиной) память сконцентрировалась в родных звуках и в добром домовом. Родное место – это самое дорогое, что хранит:

Тут родные бродят звуки,
Память в кладовой.
Здесь теперь один хозяин –
Добрый домовой.
Не тушите свет в прихожей,
Не гасите здесь огня.
Нет на всей земле дорожке
Места для меня.

[5, т. 2, с. 214]

Простота лирического изложения заставляет читателя представить, вообразить красоту места, дорожке которого нет.

А лирический герой Матвея Новьюхова понимает память как нечто находящееся на значительном удалении, «на неизмеримой глубине», как недоступное чужому взгляду:

Память – это море; в нем на дне,
на неизмеримой глубине,
недоступной для чужого взгляда,
все, что было дорого когда-то;
словом, все, что в нашей жизни было...

[6, с. 18]

Образ моря для обозначения сущности памяти делает последнюю настолько глубокой, что человек не в состоянии осознать ее настоящую глубину, проникнуть в нее своим взглядом, не говоря уже о чужом. И даже этого мало: внешне доступная и понятная, словно бы выносящая все на поверхность, память обманчива:

...Память – это море.
На поверхность гордо, смело
Всплыл сегодня друг мой – парус белый;
Ласковые волны рассекает,
мне приветно мачтою кивает.
Я к нему навстречу устремляюсь,
Но... с лиловым парусом встречаюсь.

[Там же, с. 19]

Так образно и глубоко философски предстает память в лирическом пространстве хантыйского поэта.

Примеров такого образного мировосприятия окружающего мира и человека в нем можно привести намного больше: они есть в творчестве каждого значимого автора. Будучи индивидуальным проявлением творческого сознания каждого отдельного

автора, в определенной совокупности эти индивидуальные мировидения создают некую общую картину своеобразия образного мышления, характерного для художественной хантыйской литературы.

Библиографический список

1. *Айпин Е.Д.* В ожидании первого снега: повести / пер. с хант. М., 1990.
2. *Айпин Е.Д.* В поисках Первоземли. М., 2019.
3. *Айпин Е.Д.* Собрание сочинений: в 4 т. СПб., 2014.
4. *Волдин В.С.* Так Молупси: поэмы и стихи на хантыйском и русском языках. Ханты-Мансийск, 1998.
5. Литературное наследие обских угров: в 2 т. / сост. Е.В. Косинцева, С.С. Динисламова, Л.Н. Панченко, Л.А. Андреева. Ижевск, 2016.
6. *Новьюхов М.И.* С надеждой на счастье. Лирика. Шадринск, 2012.
7. Хантыйская литература: учебная хрестоматия: в 4 ч. / сост. Е.В. Косинцева. Ханты-Мансийск, 2010.

References

1. *Aypin E.D.* V ozhidanii pervogo snega [Waiting for the first snow]. Stories. Transl. from Khanty. Moscow, 1990.
2. *Aypin E.D.* V poiskah Pervozemli [In search of the First Earth]. Moscow, 2019.
3. *Aypin E.D.* Sobraniye sochineniy: v 4 t. [Collection of works in 4 vols.]. St. Petersburg, 2014.
4. *Voldin B.C.* Tak Molupsi: poemy i stihy na hantyskom i ruskom yazykah [So Molupsi: Poems and verses in Khanty and Russian languages]. Khanty-Mansi, 1998.
5. *Literaturnoe nasledie obskih ugrov. V 2 t.* [Literary heritage of the Ob Ugrians. In 2 vols.]. E.V. Kosintseva, S.S. Dinislamova, L.N. Panchenko, L.A. Andreeva (eds.). Izhevsk, 2016.
6. *Novyuhov M.I.* S nadezhdoj na schaste. Lirika [With hope for happiness. Lyrics]. Shadrinsk, 2012.
7. *Hantyskaya literatura [Khanty literature].* Textbook: in 4 chapters. E.V. Kosintseva (ed.). Khanty-Mansi, 2010.

Статья поступила в редакцию 29.02.2024, принята к публикации 25.03.2024
The article was received on 29.02.2024, accepted for publication 25.03.2024

Сведения об авторе / About the author

Семенов Александр Николаевич – доктор педагогических наук, профессор; заведующий Отделом обско-угорских литератур, Обско-угорский институт прикладных исследований и разработок, г. Ханты-Мансийск

Alexander N. Semenov – ScD in Education, Full Professor; Head of Ob-Ugric Literature Department, Ob-Ugric Institute for Applied Researches and Projects, Khanty-Mansiysk

E-mail: alin52@list.ru